

Содержание

Владимир Болохов	Баллада о тридцать седьмом	5
	Прощальная	6
	Утро этапное	6
	Вешние воды	6
	Перед свободой	6
Валерий Ходулин	Запоздалое письмо Александре Львовне Толстой ...	7
Андрей Вознесенский	Архитектурный проект памятника жертвам репрессий	8
Сергей Норильский	Шатался мир, от крови пьян	10
	Власть идеи и узы крови	18
	«Навести массовый террор»	27
	Тайна семьи Сотнических	30
	Несправедливость ради справедливости?	36
Александр Вальтер	Тульский богатырь родом из Варшавы	41
Валерий Сладков	С эсерами порвал, но репрессий не избег	46
Валентина Дюкова	Письмо Сталину	50
Ирина Гринева	«Находясь под следствием, умер»	52
Марина Баланюк	Теперь я знаю, как погиб мой дед	55
Нина Евдокимова	Она дважды пела вождю «Сулико» и дважды была политзаключенной	62
Николай Циндель	«Сгорая, гаснут свечи»	66
Лариса Лязина	Наш отец	68
Татьяна Ермакова	О моей бабушке Н. Д. Озеренской	70
Сергей Щеглов	Жизнь и гибель Александра Воскресенского	73
	Письма из тюрем, лагерей, ссылок. Михаил Волков	87
Рудольф Керн	Синяка на душе не осталось	88
Николай Циндель	Лагерные дороги Екатерины Судаковой	91
Галина Бочкарева	Колымская Робинзонада	93
Сергей Щеглов	Проклятый и забытый	97
	Лжесвидетели послали на смерть	101
Павел Понарин	Наша задача — прислушаться к молодежи	105
	«Хотелось бы всех поименно назвать»	108
	К истории Тульского «Мемориала»	109
	Биографические справки	113
	Дополнение	304
	Сокращения и аббревиатуры	305

Шатался мир, от крови пьян

(Артем Веселый, жертва репрессий)

Они были, можно сказать, ровесниками, родились, в одном году: Николай — 29 сентября (по новому стилю), Анатолий — 9 декабря. Обоим тогда, осенью 1919-го, было по двадцать. Жизнь только-только раскрывалась перед ними.

Они не были земляками. Николай родился на Волге, в Самаре, Анатолий — сын Полтавщины. Извивистые ветры Гражданской войны свели двух парней в Тульской губернии, сначала в Ефремове, а потом в самом городе оружейников.

Оба молодцы что надо, энергичны, одарены, оба — огонь. Были они не только бойцами-красноармейцами, партийными работниками, но и в писательство рвались. Именно ростки его и притянули их друг к другу.

Ну, а как в революционное время прийти к писательству, если не через газету? Анатолий Глебов-Котельников редактировал ефремовский уездный листок под названием «Красный вестник». Николай Кочкуров стал редактором этой газеты, когда в заглавии первой полосы стояло: «Красный пахарь».

Все самое главное в то время называли красным: новую власть, ее армию, гвардию, людей, неистово разрушавших старый мир, чтобы на его обломках возвести новый. Даже священнослужители нашлись, которых за их поддержку советской власти именовали красными. Слово это стало самым звучным, самым ходовым, самым любимым для одних и самым страшным и ненавистным для других.

Семнадцати с половиной лет сын волжского крючника Ивана Кочкурова и его жены Федоры Кирсановны Николай примкнул свой штык к большевистской винтовке. Восемнадцати лет взялся за перо.

Сначала — как газетчик-коммунист, на родине, в Самаре, в 1917. А на следующий год — фронтовые дороги. Шагал по ним Николай тоже как газетчик, как

партийный боец. Осенью девятнадцатого Самарский коммунистический батальон, в котором значился Кочкуров, получил направление в Тульскую губернию.

В красноармейской шинели, грязной, изодранной, прикрывавшей еще не зажившие как следует раны, Николай вступил на улицы старинного русского города Ефремова. И немедля «к штыку приравнял перо».

Позже он так определил вехи своей юности: «1917 — агитатор, красногвардеец, 1918–1919 — партийная работа, 1920 — газетная работа, писательство». В Туле сотрудничал в губгазете «Коммунар», состоял членом редколлегии. Глебова утвердили редактором журнала «Пролетарское строительство» (издавался такой губисполкомом и губкомом РКП(б)). И еще — газеты «Фронт труда».

Когда Деникин подбирался к городу оружейников и большевики преградили ему доступ Тульским укрепрайоном, Котельникова назначили комиссаром полевого строительства; был он и бойцом ЧОНа (части особого назначения), агитатором в красноармейских подразделениях.

В эти-то недели, осенью 1919 года, находясь в деревне Старая Еловая, неподалеку от губернского центра, в свободные ночные часы и изложил Анатолий свои мысли и впечатления от пережитого и увиденного, написал пьесу «Наши дни». Николая Кочкурова вывел в ней под именем Коли Кунгурова, «редактора газеты из крестьян».

Вот как он его изобразил:

«Дюжий парень в солдатской шинели и папахе, разорванной на затылке, на руках серые грубые носки, выражение большого, румяного, почти еще безусого лица сосредоточенно-грустное».

Кунгуров говорит: «Я русской грамматике в нужнике обучался, чтоб отец не избивал».

Почему носки на руках?

«— Очень просто. Какая-то сволочь стянула варежки в редакции. Вот и пришлось носки надеть. А ноги в корректуры заправил, потом в портянки. В редакции мороз, перо в руке не держится. А так очень хорошо. Даже лучше чем в варежках статьи получаются»¹.

В пьесе Глебова был эпизод: Кунгуров громит управляющего типографией, меньшевика, который, по мнению Николая, сознательно сорвал выпуск очередного номера (ну, а как же иначе, если меньшевик?!). Размахивая руками в носках, «диковинный человек» требует от председателя губсовнархоза — большевика Алексея Бухарова — принять срочные меры, чтобы «хоть две полосы выпустить».

Девятнадцать публицистических статей, очерков, фельетонов, басен Кочкурова хранит подшивка большевистской губернской газеты за несколько месяцев работы в редакции этого писучего парня («Поповское чудо от науки», «Песня швейных экономиков», «Скандальё» и др.). Под ними подписи: Н. Кочкуров, Ив. Лаптев, Лукьянов, Артем Невеселый (приближается наш герой к поиску удачного псевдонима!), Сидор Веселый (еще удачней, уже с горькой иронией). В общем же поиск, несомненно, навеян примером Максима Горького. Немало было тогда подражателей Пешкова: Михаил Голодный, Павел Беспощадный и пр.). Тульский архивист Аркадий Аркадьевич Петухов в 1991 году сообщил мне, что насчитал 14 псевдонимов Кочкурова.

В декабрьском выпуске журнала «Пролетарское строительство» (№ 7 за 1920 г.) напечатан рассказ Кочкурова «Расстрел». Пятьдесят девять лет спустя, 23 сентября 1979, в канун восьмидесятилетия Артема Веселого, рассказ нашел нового и многочисленного читателя: напечатан был в еженедельнике Союза писателей РСФСР и его московской организации — «Литературная Россия» (под рубрикой «Из неопубликованного и забытого»).

Уже в этом раннем произведении прозаика просвечивают особенности стиля, образности и манеры письма, языка автора «России, кровью умытой». Глубокий трагизм изображаемого, короткая, обрывистая фраза, так соответствовавшая духу времени. Лаконизм. Репортажность. Игра словами.

Вот начало рассказа:

«Морозная и ясная ночь. Звонящая и чуткая тишина. Строго красив и далек холодно-огненный, путанный узор ярких звезд».

А вот — из финала:

«Принесенной пешней наскоро прорубили прорубь и приговоренным приказали раздеваться. Когда все тридцать разделась и остались босиком и в нижнем белье, их выстроили в шеренгу и начальник командовал: „Садись... вашу мать!“ Сели на корточки или поджав под себя ноги, прямо в снег. „Кто первый? Выходи“. „Я!“ — отозвался Остапенко и подошел к краю проруби».

При всех особенностях стиля автору рассказа далеко еще до того Артема Веселого, который несколько лет спустя станет известен всем. Преобладает еще пропагандист, газетчик. Не тщательна словесная вязь, художник только-только проблескивает.

В 1919 г. на губпартконференции в Туле Кочкуров критиковал деятелей Тульского укрепрайона. Руководителя большевиков Каминского назвал незрелым.

Работая в городе оружейников, Николай по заданию губернского отдела печати побывал во многих уездах, организовывая деятельность местных большевистских газет. Эти поездки пополняли запас его впечатлений, знание народного тульского говора, характеров, раскрывавшихся в сочившемся кровью времени.

«... Сорвалось кольцо с Сатурна. Сорвалось и летит к Земле. Вот-вот наступит конец света».

Такие мрачные выдумки ползли по городу. Кочкуров откликнулся на новость стихотворным фельетоном в «Коммунаре». Едко и зло высмеял невежественные прогнозы. Вину за них возложил на церковников — врагов советской власти («Поповское чудо от науки»).

Четыре десятилетия спустя, в ноябре 1963 года, в журнале «Новый мир» была опубликована подборка воспоминаний об Артеме Веселом, подготовленная его дочерьми Гайрой и Заирой. (В тридцать восьмом, после убийства отца, их отправили в детдом с нашлепкой ЧСИР — члены семьи изменника Родины». Бедные девчонки с помощью добрых людей выжили, в 1956 году после XX съезда партии добились оправдания своего отца.) Это была, кажется, первая развернутая публикация о запрещенном писателе на его родине за четверть века, прошедшую с его остракизма.

¹ Цит. по книге Н. А. Милонова «Русские писатели и Тульский край», 1971. С. 332–333.

Подборку открывали воспоминания «Молодой Артем», написанные Глебовым. (Это было за год до его смерти). Найти сейчас журнал сорокадвухлетней давности не каждый сможет, поэтому приведу несколько цитат.

«Наша первая встреча, — писал Глебов, — произошла на главной улице Тулы в холодный сентябрьский день 1919 года. Было ясно, очень ветрено. Я вышел с женой из сокобеса, где она работала, и лицом к лицу столкнулся с высоким, плечистым парнем в зеленой красноармейской стеганке и такого же цвета военной фуражке без козырька, с трудом натянутой на большую голову. Продолговатое безусое лицо парня было пунцово от холодного ветра. Большие карие глаза, вдумчивые и добрые (...) радостно расширились, когда он узнал мою жену. Они уже были знакомы по Ефремову.

— Николай! — обрадовалась она и тут же познакомила нас: — Это Кочкуров, твой преемник по газете.

Николай Кочкуров в июне приехал в Тулу в числе коммунистов, мобилизованных на южный фронт (...) Но на фронт его не послали из-за осложнения с прошлым годом ранением (он был ранен в колено на Восточном фронте) и до поправки использовали в тылу. Так Кочкуров, уже имевший опыт газетной работы, стал после меня редактором ефремовской газеты. Эта работа не очень увлекала его. Нога поправилась. И в сентябре он добился вызова в Тулу, чтобы вновь воевать».

Далее Анатолий Глебович сообщал: Кочкуров жил в казарме, ждал, когда переведут из ЧОНА в действующую армию. Но Деникина разгромили, потому Николай оставили в Туле, он стал работать в «Коммунаре».

«Потеряв казарменный кров, остался бездомным, и мы его приютили у себя. Так образовалась наша маленькая коммуна, всегда жестоко голодная и всегда тем не менее веселая и шумная. Топили кафельную печь старыми газетами. Ели, что продотдел послал — преимущественно вонючую похлебку из воблы и тюрю из гнилой свеклы, сдобренную чайной ложкой зеленого конопляного масла (...)

Агроном, в доме которого мы жили, естественно, имел широкие связи с деревней и то из одного уезда, то из другого получал продовольственные дары (...) Его супруга, в недавнем прошлом блиставшая в тульском «свете» (...), непрерывно пекла пироги и жарила мясо. Она добросердечно угощала и нас, но мы, не

желая поступиться коммунистической принципиальностью, гордо отказывались, что ее не только удивляло, но и обижало (...)

Появление в нашей комнате Артема стало поводом для серии новых конфликтов с агрономшей. Стопроцентное отсутствие у него «приличных манер», бездумное гроханье подкованными чоботами, а зимой обильный снег на них, не очищенный внизу о скребок, и тому подобные проступки сделали беднягу Артема настоящим жупелом в глазах хозяйки. Тщетно я, защищая его, говорил ей о необыкновенной литературной одаренности этого парня, его природном юморе, доброй душе и прочих достоинствах, — агрономша стояла на своем: «Это дикарь, а дикарь не может быть писателем».

Бравада вояки-пролетария, конечно же, не украшала молодого газетчика, но свидетельствовала о презрении к «буржуям» (а владельцы частного дома в его глазах именно ими и были). Ведь за плечами Кочкурова весь груз — четыре класса городского училища, с четырнадцати лет — работа на самарском заводе, с семнадцати — участие в анархистском отряде, с девятнадцати — кровавые бои Гражданской. Не забудем, какое было время: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови...»

Художнический дар и обилие впечатлений дали Николаю возможность уже тогда создать произведения, которые не могли пройти незамеченными. Одним из них был рассказ «Масленица», написанный, как уверяет Глебов, в той самой комнатке в доме тульского агронома. Затем последовали «Молодой полк», «Под черным крылом», «Расстрел» и другие. Они были напечатаны в «Коммунаре» и «Пролетарском строительстве».

И еще один любопытный эпизод из воспоминаний Анатолия Глебова:

«Однажды хмурым декабрьским утром мы проснулись (я с женой на диване, Артем на полу) и, как обычно, собирались с духом, чтобы отважиться вылезти из теплой постели в «космический» холод остывшей за ночь комнаты. На дворе был тридцатиградусный мороз, а в комнате — ниже нуля. Обыкновенно первым вставал и уходил за дверь Артем, давая возможность одеться женщине. Но в это утро, сине-мглистое, особенно морозное, он не торопился подняться.

— Ребята, знаете, что я придумал ночью? С сегодняшнего дня начинаю новую жизнь. — Он сделал интригующую паузу, потом пояснил: — Буду резать

судства и безалаберности пригнал Кочкурова в Севастополь, но и несомненная вера в необходимость служения красной идее.

В Севастополе был написан один из лучших его рассказов: «Реки огненные».

Демобилизовавшись в том же году, Николай возвращается в Москву с твердым намерением посвятить себя литературе. С присущим ему напором он вторгся в литературную среду красной столицы. В конце года вместе с Андреем Платоновым, Михаилом Светловым, Александром Жаровым, Михаилом Голодным создает группу «Молодая гвардия». Поиграв псевдонимами, скажем: Веселому с Голодным не очень-то по пути; через двенадцать месяцев Кочкуров и Светлов покинули группу и вступили в другую, при журнале «Красная новь». Возглавлял это содружество редактор журнала, большевик-подпольщик с 1904 года, известный литератор Александр Воронский. Группа называлась «Перевал». Ей предстояло получить широкую известность в истории советской литературы.

Неуживчивость Кочкурова проявила себя и тут, и вскоре он одним из первых, вместе с тем же Светловым, а также Анной Караваевой и Михаилом Розановым, получившим спустя несколько лет известность под именем Н. Огнева, покидает и эту группировку.

Таким образом начинающий прозаик поистине мерой отдал дань литературным исканиям революционной молодежи двадцатых годов. У Дмитрия Фурманова есть запись, касающаяся Веселого и руководителей РАПП: «Артема (...) преступно отогнали от себя, преступно».

Но уже надвигалась на него слава.

«Россия, кровью умытая» явилась, однако, не в один день. Долго печатали роман отдельными главами и отрывками. Да и название его потрясающее пришло к автору не сразу. Так что не мгновенно и не сверхпобедно заразил всех своим «весельем» Артем. Яркий и смелый бытописатель кроваво-огненной эпохи не во всем приходился ко двору начальству. Кипела в его строчках неизбывная ненависть к войне — прорывалась даже помимо его воли; боль за погибающие в муках человеческие жизни терзала.

Еще десятилетие — и первый роман Веселого появился отдельным изданием. С 1932 по 36 год его перепечатывают четыре раза. Высоко оценивают и за рубежом, тиражируют в Польше, Румынии, Чехословакии. «Реки огненные» текли до Японии.

Вокруг Веселого с самого начала бушевали споры. «Дикое перо» — так определил его стиль и содержание произведений С. Пакентрейгер («Печать и революция», 1926, кн. 5). «Самобытный и яркий талант», — утверждали одни. «Певец России, разбуженной революцией, прошедшей огненные испытания Гражданской войны», — уточняли другие. О Веселом писали А. Воронский, В. Полонский, А. Лежнев, другие видные критики и литературоведы тех лет.

«Веселый принадлежит к числу оригинальных современных писателей», — сообщалось в первом издании Литературной энциклопедии (большая статья с портретом, том 2, 1930 г.). — Уже в 1923 году, в «Реках огненных», мы видим сложившимися основные черты его литературной манеры. Он широко пользуется сказом (...) Основа сказа Веселого — крестьянская, и в нее вплетены слова солдатского, матросского, «блатного» жаргонов (...) Большинство критиков признает сильный талант Веселого, его большую чуткость к слову».

Через увлечение сказом, стилизацией, как справедливо отмечает Е. А. Краснощекова («А. Платонов и Вс. Иванов» в книге «Творчество А. Платонова», Воронеж, 1970, с. 148), в начале 20-х годов прошли многие молодые прозаики, в том числе ставшие потом знаменитыми: Леонид Леонов, Всеволод Иванов.

Главный герой Артема Веселого — представитель «вольницы»: матрос-анархист, солдат, партизан. Именно таких людей знал лучше всего Кочкуров, в юности и сам поддавшийся туману безбрежной свободы («В 1916 связался с группой анархистов», — вспоминал писатель в автобиографии).

Революцию он видел ярче всего в стихийном крестьянском облике. Его упрекали в том, что он не изобразил организующую, созидательную роль революции и ее представителей с той мерой таланта, с какой показал людей стихии, «революционеров по инстинкту». Действительно, русский пролетарий первых послеоктябрьских лет, тем более интеллигент-революционер, получались в изображении Артема упрощенными, примитивными, чуть ли не шаржированными.

Как прозаик Веселый испытал влияние Горького, Андрея Белого, Бориса Пильняка. «Ближе всего стоит к Пильняку», — считает зарубежный знаток наших писателей той эпохи Глеб Струве¹.

Из «России, кровью умытой» (самое начало):

¹ В книге «Русская советская литература», 1935. Цит. по монографии А. Беляева «Идеологическая борьба и литература», М., «Сов. писатель», изд. 3, 1982, с. 89.

правду-матку в глаза всем и каждому. Надоело, понимаешь, врать. Всё врем, врем. На каждом шагу врем. Жмешь кому-нибудь руку, а сам знаешь, что он рвач, подлец, сука. И все-таки жмешь! Ему бы плюнуть в его мерзопакостную рожу, а ты улыбаешься. Надоело!

Мы молчали, озадаченные. Потом жена сказала:

— Интересно будет послушать.

— Интересно? — обрадовался Артем. — Так слушай! — И тут же «выдал» ей, а потом и мне кучу «комплиментов», смысл которых сводился к тому, что хотя он очень любит нас обоих и благодарен нам за то, что мы дали ему кров, но не может впредь молчать о наших недостатках, таких-то и таких-то. Все было сказано напрямик, без каких бы то ни было околичностей или смягчений, после чего он встал и ушел по утреннему маршруту.

Не успели мы обменяться мнениями по поводу его откровенностей, как внизу послышался визг агрономши. Артем, встретившись с ней, вместо пожелания доброго утра сказал, что с первого дня, как увидел ее, желает ей подавиться собственной слюной; до сих пор он двурушнически скрывал это от нее, а теперь решил быть правдивым. Загудел возмущенный голос самого агронома. Артем вернулся в комнату явно смущенный, но вместе с тем довольный собой. В дверь застучали, заколотили. Вошли хозяева, красные, вне себя, и разыгралась пренеприятная сцена. Агронома и агрономшу нимало не успокоило, когда мы сказали, что и нам досталась от Артема хорошая порция правды-матки. Агроном грозил немедленно пойти в губисполком и потребовать нашего выселения.

— Вам дали ордер на проживание у нас, а не на оскорбление меня и моей жены (...)

Артем вскоре ушел. Вернулся он поздно вечером, заиндевший, багровый, мрачный.

— Ну, как? — поинтересовались мы.

То, что он рассказал, могло бы послужить сюжетом отличной сатирической комедии (...) Правда-матка, бесхитростно и прямолинейно выложенная Артемом добрым двум десяткам людей в учреждениях и на улице, привела его в конце концов в милицию. Рассказав о своих злоключениях, он мрачно резюмировал:

— Нет правды на свете».

Таков был характер юного правдолюбца.

Анатолий и Николай недолго пробыли в Туле. Оба вскоре перебрались в столицу.

По-разному сложилась их судьба. Сначала у обоих — восхождение, успехи. Оба осуществили свою

мечту, стали писателями. О пьесах Глебова доброжелательно отзывался Луначарский.

Потом Анатолий на некоторое время стал дипломатом. Но через несколько лет вернулся в литературу — драматургом, писал и прозу. Он пережил своего тульского друга на четверть века. Однако, прибавка времени не главное в творчестве, широкой известности Анатолий Глебов не достиг.

А Николай Кочкуров, приехав в Москву весной 1920, сотрудничает в РОСТА, редактирует газету агитпоезда «Красный казак». И тут он в котле народных масс, среди солдат, крестьян, комсомольцев, низовых партийных работников.

Но подлинное влечение у него одно: художественная проза. В следующем году произведения Николая впервые появляются в центральной печати. И сразу же были замечены. Вскоре он врывается в популярность под именем Артема Веселого как автор романа «Россия, кровью умытая», драмы «Мы» и других произведений.

В эти дни «отогнаний», идеологических драк и поисков своего места Николай вновь оказался в Туле, приносил в «Коммунар» свои материалы. Они были напечатаны в 1922 году, подписаны: Сидор Веселый. Чтобы выяснить обстоятельства появления в «Коммунаре» таких вещей, как «Об устных газетах», «Лектора нет», предстоит потрудиться литературоведам.

Вот что пишет об этом времени А. Глебов.

«В феврале пришло от него в Анкару (Анатолий работал там в советском посольстве. — С. Н.) письмо, датированное 20 января 1922 г., из Тулы. Первые шесть строк, написанные чернилами, гласили: «Дорогой Толя, извивы моей коварной судьбы таковы: московская литературная богема, в плену у жены, Тула с $1\frac{1}{2}$ провалившихся домов». Дальше было написано очень крупно красным карандашом «В аду! В аду!» И опять чернилами: «Но я уже готов порубить золотые якоря любви, распустить кумачовые паруса страстей и в разuverенном челноке легкомыслия помчаться по дивному морю фантазии. Ветер безрассудства и безалаберности будет надувать мои паруса». (Какое половодье образности!)

Что возвратило молодого писателя в эти дни в Тулу, какие «извивы» личной жизни сокрыты за этими живописными строчками, — тоже предстоит выяснить. Право же, автор «России, кровью умытой» этого заслуживает.

В том же 1922 году комсомольская мобилизация призвала Николая во флот. Не только ветер безрас-

«Сотрясаемый ураганом войны, шатался мир, от крови пьян.

По морям-океанам мыкались крейсера и дредноуты, изрыгая гром и огонь. За кораблями крались подводные лодки и минные заградители, густо засеивая водные пустыни зернами смерти.

Аэропланы и цеппелины летели на запад и восток, летели на юг и север. С заоблачных высот рука летчика метала горячие головки в улья людских скопищ, в костры городов.

...Ползли танки, сокрушая на своем пути всё живое.

...Не умолкая, бухали молоты войны (...)

По размокшим от крови и слез дорогам шли и ехали войска, артиллерия, обозы, лазареты, беженцы (...)

Серп войны пожинал жизни колосья (...)

Над всем миром развевались знамена горя и, как зарево огромного пожара, стоял стон, полыхали надсадные, рвущие душу, крики отчаяния.

И лишь в дворцах раззолоченных — Москвы, Парижа, Вены — сверкала музыка, пламенело пьяное веселье и ликовал разврат (...)

Военная знать и денежные киты дружно сдвигали бокалы с кипящим вином:

— Война до победы!»

Это шестнадцатый год, как его видел и понимал пролетарий Кочкуров. А вот — несколько позже:

«Всю дорогу разговоры в вагоне.

О чем крики? О чем споры?

— Все дела в одно кольцо сведи — бей буржуев!

— Бей, душа из них вон!

— Братва...

— Земля наша, и всё, что на земле, наше.

— А беломордые?

— Не страшны нам беломордые... Винтовка в руке, глаз наш зорок.

— Правильно!

— Наша сила, наша власть... Всех потопчем, всех порвем».

Так начинается одна из глав романа «Россия, кровью умытая» — «Пирующие победители». Это революция во всей откровенности и ярости.

Из дальнейшего становится ясно, кто пирует, кто грозит всех потопить, всех порвать. Это анархисты, «революционеры чувства», те самые, кто доставил столько хлопот деятелям, стремившимся направить бурный поток революции в организованное русло.

(Этим людям, уже завоевавшим власть, надо было добиться организованности, она нужна была им как воздух!) Яркие образы «топтателей» нарисованы в ряде произведений советской литературы тех лет («Оптимистическая трагедия» и т. п.)

Вот какой художник слова был Артем Веселый:

«Толкнулся Максим в одну комнату — заседание, не продохнешься; толкнулся в другую — совещание с рукопашным боем; в третьей комнатухе комиссар финансов на глазах у обступивших его восхищенных зрителей из простой белой бумаги делал деньги».

«Ржали матросы — штукатурка с потолка сыпалась, советские обои вяли, стружкой по стенам завивались».

Образность завораживающая. Буылку шампанского гуляющие матросы Веселого не откупоривают, — «расстегивают». Настенные обои, будто листья на ветвях, вянут.

Впереди у такого художника были творческие монбланы.

Последнее десятилетие недолгой своей жизни, не прекращая совершенствовать «Россию, кровью умытую», Артем неистово, подвижнически работал над новым романом: «Гуляй-Волга».

Вот как он говорил об этом:

«Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал паруса и на рыбачьей лодке плыл по следам Ярмака — Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом, — кормясь с ружья и сети. За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам под двенадцать тысяч верст».

И заключал:

«Знаю: глупец, зачерстивший в зломыслии и ненавистничестве, пустится поносить меня всяко и лаять на разные корки; полудурье прочтет книгу сию, ухмыльнется и забудет; умный же и чистый сердцем возрадуется крутой радостью и порою перечтет иные строки (...) Улыбка и уроненная на страницу слеза живого читателя да послужат мне лучшей наградой за этот каторжный и радостный труд!»

Среди трехсот фолиантов, проштудированных Николаем Ивановичем для уяснения времени Ермака, была даже... поваренная книга XVII века! Перечисленные в ней яства нашли отражение в одной из ярких сцен — угощения казаков.

Трижды целиком переписывал художник роман. Отдельные главы перекраивал по сорок раз! К концу работы весь текст отложился в мозгу строчка за

Фотография заключенного Артема Веселого на Лубянке в Москве 23 октября 1937 г. (Из сборника, изданного в 2005 г. дочерьми писателя Гайрой и Заирой, Москва)

строчкой и Артем, когда его приглашали на литературные вечера, читал главы «Гуляй-Волги» по памяти, наизусть.

Успех произведения был огромный. С 1932 по 1936 год роман выдержал шесть изданий! Поднималась новая волна славы писателя.

Эпопея «Гуляй-Волга», как и предыдущая, вдоволь напоена трагизмом истории, несметными чашами страдания людского.

«На помосте палач сек мужика.

Кругом тесно стояла притихшая толпа. Иные вздыхали и со страху крестились, иные, чтобы умилостивить палача, бросали на помост деньги.

Кнут, расчесав мясо, с пристуком хлестал по костлявой спине, запавшие бока ходили, как у загнанной лошади.

Стоны мужика помалу затихли.

— За что он его?

— За рыбу... Помалкивай, тетка!»

Трагическая гибель Артема и последовавшее за ней изъятие его произведений дали возможность кое-кому использовать оставленные им богатства в корыстных целях. Автор напечатанной 9 декабря 1989 года в газете «Труд» заметки Владимир Муравьев утверждает, что «известный в свое время автор книг «Каменный пояс» и «Большая судьба» Е. А. Фе-

доров в своем романе «Ермак» воспользовался практически без изменений целыми страницами из «Гуляй-Волги». Федоров был настолько уверен, что произведения Артема Веселого никогда не дойдут до читателей, что решился на откровенный плагиат».

Литературовед, критик и прозаик Марк Борисович Чарный, член РКП(б) с 1920 года, автор романа «Лейтенант Шмидт», в начале тридцатых годов прилежно изучал творчество Артема Веселого, защитил по этой теме диссертацию в Институте красной профессуры. Работа называлась: «Певец партизанской стихии».

Да, певцом революции и Гражданской войны называли Артема Веселого современные литературоведы. Это было модно, льстило революционной власти. Но вряд ли такое определение отражало суть творчества писателя. Певец — воспевает, видит в изображаемом прежде всего положительное, достойное восхищения. Скрупулезность Веселого-бытописателя противоположна такой однобокости. Нельзя же называть Исаака Бабеля при всем его вкладе в тему Гражданской войны ее певцом! И Бабель, и Веселый не певцы, а именно бытописатели чудовищной бойни.

Он был молод, когда ворвался в литературу. Молод был, и когда пуля поставила точку в его творчестве. Молодым остается сегодня, останется навсегда.

Подобно своему современнику Бабелю и ровеснику Андрею Платонову, Кочкуров оставил нам немеркнущие картины беспощадного рукотворного урагана, потрясшего Россию в первые десятилетия двадцатого века. И еще успел нарисовать полотна из века семнадцатого.

Во многих публикациях об Артеме Веселом дата его смерти обозначалась по первоначальному сообщению «органов» вслед за реабилитацией: декабрь 1939. В феврале 2000 г. Елена Сергеевна Веселая, получив от меня Книгу памяти жертв политических репрессий в Тульской области и глянув на статью об отце, сказала: его расстреляли 8 апреля 1938 года. В статье Леонида Новака «Лоза», напечатанной в № 3 газеты «30 октября» за 2000 г., имя А. Веселого названо в числе жертв, захороненных в окрестностях бывшей дачи Ягоды — Ежова — «Коммунарки». (Там же зарыты Б. Пильняк, В. Киришон, Б. Ясенский, В. Антонов-Овсеенко, Г. Каминский, И. Межлаук, Н. Крыленко, А. Бубнов, А. Рыков, Н. Бухарин, многие знаменитые люди советской истории).

Вот уже несколько десятилетий — после двадцати

лет запрета — переиздаются книги Артема Веселого. Продолжается изучение его творчества. Одной из первых работ этого нового времени была опубликованная в 1963 году в «Ученых записках Муромского государственного педагогического университета» статья о периоде 1917–1921 гг. в жизни Николая Кочкурова. Достойное место занимает Кочкуров-Веселый в двух изданиях монографии Н. А. Милонова («Писатели Тульского края, 1963 г. и «Русские писатели и Тульский край», 1971). Журналистка Ирина Извольская, будучи еще студенткой Тульского педагогического института, изучала подшивки «Коммунара» и «Красного пахаря» за 1919–20 годы с целью отыскать публикации Кочкурова и многие обнаружила.

Тула гордится, что путь этого художника слова в большую литературу начинался именно здесь. Но одной гордости мало. В архивах, в подшивках старых газет и иных пропыленных фолиантах и папках еще могут таиться произведения Николая Кочкурова и сведения о нем. Какой интересный материал для исследователей — филологов, историков!

Сергей Норильский

КНИГА ПАМЯТИ
жертв политических репрессий
в Тульской области 1917–1987 гг.

Том третий

Подписано в печать 15.02.2006 г. Формат 84×108/16.

Печ. л. 19,25. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 191.

ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.